04 2003

Логика и теория исследования

активистская практика как субъект и как эпистема

Antonio Negri

Перевод с англ. Александра Скидана под редакцией Алексея Пензина.

<...> К этой проблеме мы можем подойти также и с другой точки зрения и возобновить дискуссию старой традиции операизима о «совместном исследовании» как образцовой форме такого метода[i]. Практика совместного исследования была ничем иным, как возможностью узнать, посредством изучения, уровни осведомленности и осознания процессов, затрагивающих рабочих как производительных субъектов. Если я иду на завод, общаюсь с рабочими и вместе с ними изучаю условия их труда, совместное исследование определенно становится описанием производственного цикла и установлением функций каждого человека внутри этого цикла. Но в то же время оно дает общую оценку уровня эксплуатации, которой

каждый из них и все они вместе подвергаются, оценку способности рабочих оказывать противодействие в соответствии с осознанием их эксплуатации в системе машин и перед лицом структуры управления. Таким образом, по мере своего продвижения, такое совместное исследование очерчивает перспективы борьбы на заводе и определяет пути или способы кооперации за его пределами. Ясно, что именно здесь и обнаруживается гегемония и центральная роль практики в исследовании: эта практика помогает нам понять цикл производства и эксплуатации, и ее значение возрастает, когда она предопределяет сопротивление и агитацию, иными словами, когда она развертывает борьбу. Таким образом, возможно на практике конституировать противоборствующего субъекта: именно об этом и шла вся эта дискуссия. Мы можем начать, стало быть, с этого старого опыта операизма и спросить самих себя: какое совместное исследование мы можем осуществить сегодня, в эпоху постсовременности и тотальной трансформации сферы труда и социальной организации? Разумеется, это трудный вопрос, и я не берусь утверждать, что сумею его здесь разрешить; во всяком случае, я постараюсь продвинуться в его решении.

Если задуматься о сегодняшнем исследовании во всем его практическом значении, то важно усилить его биополитические предпосылки и

установки. Центральными элементами исследования должны стать тела. Имеется целый ряд проблем, касающихся тела и телесной жизни, которые необходимо ввести в игру, если мы хотим конституировать, сформулировать и начать определять какую бы то ни было констелляцию или композицию. Я считаю этот вопрос чрезвычайно важным, и вырастает он из биополитического метода, который мы начинаем практиковать. Этот метод порывает с излишне строгими аналитическими методологиями, с которыми экспериментировала социология. Я называю такие методы «теориями салями» – это аналитическая нарезка социального тела. В отличие от них, сегодня мы, возможно, сталкиваемся прежде всего с вопросом телесности (и делаем это с высочайшим доверием к силам тела).

Еще одна проблема, которой мы должны заняться – это попытка конституировать объект исследования, приняв в качестве посылки – сначала негативно, но всегда и в каждом конкретном случае – его сингулярность и его тягу к «общему», а не просто его тождество или отличие[ii]. Такой методологический подход по-настоящему нов и оригинален: в прошлом мы отбирали, аналитически изолировали, а затем указывали на homo oeconomicus, на человека эстетического, психологического и так далее; теперь же мы можем свести все это вместе. До сих пор мы двигались, беря за отправную точку

процессы детерминации и специфику явления, чтобы неизменно закончить выбором между тождеством и различием; сегодня мы имеем возможность, в нашем стремлении к детерминации, избежать этой дихотомии, которая нередко служила нам препятствием, и помыслить множество [multitude][iii] как «общее», а различие – как сингулярность. Я полагаю, сегодня у нас есть шанс преодолеть эти старые дихотомические пары не только на словах, но конкретно: то, что относится к различиям, обогащается в сингулярностях и в том «общем», в котором они вместе участвуют, как в новом каркасе деятельности. Ключевой элемент такого подхода – это «общее», иными словами – тела; логические категории сингулярности и то, как они отсылают к общему; а «общее» – в качестве онтологической предпосылки. Я полагаю, что исходя из этой перспективы, социологическое исследование должно продолжать выявлять условия «общности», внутри которых учреждается сингулярность. Это решающий момент, если мы хотим что-то построить. Эти констелляции некоторым образом соотносятся со старой диспозицией элементов классовой «композиции», хотя здесь они составлены по-новому внутри богатства некоего телесного «общего».

(Прошу заметить: поскольку биополитическое было разработано в качестве горизонта нашего исследования, мы никогда не продвигались

вперед посредством буквального контакта с телами. Каждая сингулярность определена как телесность, однако биополитическая телесность носит не только биологический, но и социальный характер. К примеру, когда мы в действительности имеем дело с такой проблемой, как прекаризация труда[iv], мы, безусловно, понимаем утомительную материальность условий прекаризованного труженика, – текучесть и изменчивость труда, – но к этому необходимо добавить наше понимание могущества (power) новой рабочей силы. Иными словами, с одной стороны имеются ужасные условия, которые сдерживают прекаризированный труд, а с другой – новые свойства этого труда: так мы можем ухватить суть прекаризации, совершая челночные движения между тождеством и различием, не упуская при этом общее как основу эксплуатации и, в то же время, активное проявление сопротивления.)

На этой основе мы подошли к вопросу о практике и практическому выбору: повторному открытию антагонизма. Но где в точности этот переход, где искать антагонизм? Теоретическое предложение, исходя из вышесказанного, будет состоять в том, чтобы распознать эксплуатацию в системе управления как экспроприацию взаимодействия [cooperation]; иными словами, как возможность блокировать активность множества. Эксплуатация основывается именно

на богатстве общего и продуктивности множества, она стремится препятствовать его самовыражению, стремится принудить его к молчанию, раздробить, ликвидировать его, отнять то, что ему присуще. Здесь мы должны наделить отчуждение строгой материальностью, затрагивающей каждый аспект тела. Именно экспроприация и раздробленность бьет по сингулярностям и «общему», сталкиваясь с практиками, вырастающими из выражения этого «общего» и процессов его построения. На мой взгляд, единственный способ придать нашему исследованию большую действенность – это настаивать на сингулярно-общей конфигурации новых субъектов производства и на эксплуатации, которая усиливается за их счет, не отвлекаясь на то, что мельтешит у нас перед глазами в эпоху пост-современности.

Теперь прямо поставим последний вопрос: чего мы хотим? Мы, несомненно, хотим демократии, демократии во всемирном масштабе, то есть для всех. Термин «демократия», конечно, не самый удачный, но других у нас нет. Всякий раз, заявляя, что мы хотим демократии, мы, кажется, попадаем в ловушку, потому что нас тотчас спрашивают: но что именно вы имеете в виду? Предоставьте нам весь список демократических требований, которые вы намерены включить в свою политическую платформу! Я не думаю, что нужно составлять такой список. Если угодно, на основе сказанного выше мы должны набросать

программу того, чем является желание демократии или, скорее, «общего», как методологический критерий оценки альтернативных проектов, которые продолжают поступать. Порой у меня возникает впечатление, что все проекты, которые до настоящего момента казались совершенно утопичными, сегодня выглядят все более реальными, словно бы наше знание о вступлении в новую эпоху достигло зрелости. И все же нам тоже следует составить что-то вроде «cahiers de doleances»[v], обнародованных накануне Французской революции. Эти документы представляли собой жалобы третьего сословия, но они были чем-то большим, нежели просто выражением возмущения: они содержали обвинения в несправедливости, равно как и предложения по ее устранению. Метод, идущий снизу и проходящий через критику – с тем, чтобы добиться практического ответа.

Вопрос сегодня в том, как мыслить демократию на всемирном уровне. Первый критический подступ (разработанный в «Империи») показывает развитие имперских механизмов контроля, разделения и выстраивания иерархии. Мы видели и то, как эти механизмы используются для ведения перманентной войны. Подлинная проблема будет состоять в том, как усилить подрывное желание «общего», которое наполняет множество, противопоставив его

войне, превратив его в институт и преобразовав в учреждающую власть.

В ходе предыдущих лекций мы отметили, что существует, по меньшей мере, три элемента, способных формировать определение множества с точки зрения «общего». Первый элемент относится с социальной онтологии: это утверждение, что нематериальный и интеллектуальный труд не нуждается в системе управления и что в его власти творить с избытком. Этот избыток развивается в «сетевую» связь. С точки зрения онтологии труда, это означает поставить вопрос, как гарантировать «сетевые» формы для будущей демократии. «Сеть» – это система общения, в которой формируются ценности кооперации в полном смысле этого слова, как производственном, так и политическом.

Второй элемент – это «общее», то есть материальные предпосылки производства, которые уже больше не нуждаются ни в капитале, ни в эксплуатации для того, чтобы существовать. С этой точки зрения, капитализм становится все более и более паразитирующим в отношении накопления «общего». «Общее» позволяет конституировать бытие и не может быть никем переприсвоено или приватизировано. Итак, в то время как, с одной стороны, теории труда показывают нам неэффективность управления, с другой стороны –

и парадоксальным образом – социальные теории демонстрируют нам неотчуждаемую природу «общего». «Общее» – это неотчуждаемая материя, на основе которой мы можем строить демократию.

Третий элемент, формирующий процесс множества, – это свобода. Без свободы нет творческого труда, без свободы нет ни кооперации, ни общего.

Как только эти элементы исследованы, критика может перейти к юридическим и буржуазным концепциям прав и демократии. Здесь, я полагаю, по-прежнему имеют силу работы Маркса о праве, особенно его критика гегелевской «Философии права». Критику Маркса необходимо распространить на нынешние демократические права, дабы показать, как формальное равенство и существующее в действительности неравенство по-прежнему конституируют их основание.

Это становится тем более важно, когда мы обдумываем новые основания для всемирной конституции и всемирной системы прав. Важно подчеркнуть, как развитие капитализма стремится свести на нет эффективность любого регулятивного действия национального государства. В Новое время развитие капитализма происходило через государство; однако сегодня, в эпоху постсовременности, капитализм заново присвоил всю социальную

ткань на многонациональном уровне, прибегая к вмешательству национального государства лишь тогда, когда это необходимо. Когда мы говорим о том, что принадлежит «общему», о «сетевом» труде и гарантиях свободы в связи с этим вопросом, мы должны держать в поле зрения процесс глобализации. Этой крайне важно, потому что помогает нам уверенно утверждать, что мы вышли за границы любых гарантий со стороны национального государства и любой иллюзии о возвращении к равновесию сил национальных государств. Демократию нужно сегодня распространить на отношения между множествами и создать, таким образом, новые общественные отношения и новое право. Мы отсылает здесь не к отмене права, а к новым юридическим формам, способным установить нормы, руководствующиеся тремя принципами, описанными выше. В то же время, должны применяться санкции против тех, кто хочет заново установить систему управления и навязать критерии собственности «сети», препятствуя доступу к ней или контролируя ее узлы; как должны применяться санкции и против тех, кто создает технические и/или юридические механизмы с целью воспрепятствовать циркуляции знания и великой «общности», которая питает производство и жизнь.

Все это время вы, должно быть, думали, что мы еще ни слова не сказали о логике. Или,

возможно, сочли, что я затронул ее косвенным образом, когда отсылал к теории совместного исследования и подчеркивал значение эмпирического образа действий, который можно и нужно развивать в поле социального знания. Но это не так. Мы только и делали, что говорили о логике. Вам могло показаться, что мы уклонились от проблемы логики, лишь потому, что мы не рассмотрели ее с академической точки зрения – и действительно, мы этого не сделали. Поэтому, дабы объясниться и на академическом языке, дабы показать, что и активисты могут без труда пересекать риторические поля, ниже следует схема или «сильная» выжимка того, что мы логически выявляли. По сути, это схематичное резюме моей лекции с добавлением некоторых библиографических ссылок.

1. Предпосылки дискуссии о логике как теории исследования можно найти в «Einleitung»[vi] Маркса (как мы не раз до сих пор убеждались). Здесь мы также отсылаем к работе Джона Дьюи «Логика: теория исследования» (1938). В своей книге «Джон Дьюи» (Harvard University Press, Harvard: 2001) Алан Райен объясняет, как линии американской эмпирической логики могут пересекаться с линиями марксовой логики. Работы Рудольфа Мондольфо и Сиднея Хука вновь обретают сегодня релевантность. Вкратце, центральная роль практики рассматривается здесь как эпистемологическая и политическая

проблема. Более того, в данном введении мы подчеркивали связь между языком, риторикой, диалогом и изобретением, как они переплетены в двух важных для нас измерениях: в спинозистской логике общего имени[vii] и повторного открытия общего имени в постмодернистской логике (по этому вопросу см. *Kairos, Alma Venus, Multitudo*, manifestolibri, Roma: 2002).

2. Исследование как логический диспозитив. Что это значит? Это значит, что в своей попытке выстроить логику исследования, мы неизменно развертывали теоретический процесс, который идет от конституирования объекта (исследование) к диалогическому объяснению устройства этого объекта (совместное исследование) и завершается определением конституирующего субъекта. Таким образом, мы наблюдаем своего рода возвращение объекта к субъекту: такой всегда и была революционная логика, как это прекрасно показывает Райен в своей книге «Джон Дьюи», где он очерчивает переход от революционного либерализма к «Новому курсу» в США в 1920-1930 годах. Mutatis mutandis, мы можем отнести это «возвращение объекта к субъекту» к любому революционному опыту. В предыдущих лекциях мы продемонстрировали, как логика субъекта располагается между причинностью и прерывностью развития. Распознание логики события – главный пункт нашей дискуссии. Мы можем сказать, что «общее имя» (понятие) всегда

колеблется между тождеством и различием, но также обусловлено и зазором между сингулярностью и общим. Субъект, таким образом, помещается внутри процесса производства субъективности как производства данной темпоральности и пространственности. Вместе с тем, наблюдая формирование субъекта в производстве общего (через кооперацию), мы подчеркивали и неадекватность поля логики самой по себе для завершения исследования. Кооперация сама по себе не объясняет антагонизм; поэтому мы должны снова начать с позиции антагонизма.

3. Исследование как этико-политический диспозитив. В фордистском обществе изучение массового рабочего как этико-политический диспозитив интерпретировалось совместным исследованием: в совместном исследовании были объединены эпистемологические и активистские/агитационные методы. В этом отношении см. G. Borio, F. Pozzi, and G. Roggero, Futuro Anteriore. *Dai "Quaderni Rossi" ai movimenti globali*. Deriveapprodi, Roma: 2002. Отсылая к исследованию как этико-политическому диспозитиву, мы не уклоняемся от более четких когнитивных и общих эпистемологических вопросов; напротив, мы их включаем, помещая внутри процесса коллективного обучения. В каком-то смысле, исследование как этико-политический диспозитив – это всегда *Bildungsroman*, роман воспитания. Проблема формирования элиты[viii]

связна с вопросом центральной роли практики, а процесс их формирования – с процессом организации сопротивления [antagonism]. Здесь возникает новый ряд проблем, в частности – тех, что появляются в силу исторических изменений в классовой композиции. Что означает исследование как этико-политический диспозитив в постсовременном обществе: не в фордистском обществе массового рабочего, но в обществе прекаризированного, гибкого, зависящего от непредвиденных обстоятельств труда, обществе нематериальных услуг и гегемонии кооперации? Я не думаю, что ответ будет слишком отличаться от того, который был дан на вопрос о совместном исследовании, если говорить с точки зрения метода и конститутивного поступательного движения субъекта. На протяжении 1990-х эти вопросы разбирались в журнале «Futur Anterior», который выходил в Париже в издательстве «L'Harmattan»; интересующиеся могут заглянуть в этот журнал. Что касается процесса совместного исследования на подмостках постсовременности и кооперации работников нематериального труда, см. A. Negri et al., *Des entreprises pa comme les autres*, Publisud, Paris: 1993, и A. Negri et al., *Le basin du travail immaterial*, L'Harmattan, Paris: 1996.

4. Исследование и логика языка. Установив связь между исследованием как логическим инструментом и новой ситуацией постсовременного производства, где язык

возникает как фундаментальное средство производства и производственной кооперации, необходимо заново определить исследование в области логики языка. В своей «Грамматике множеств» и «*Il ricordo del presente. Saggio sul tempo storico*» (Bollati Boringhieri, Turin: 1999) Паоло Вирно предлагает многочисленные отправные точки по этим вопросам. Со своей стороны, в добавление к аргументам, которые приводит Вирно, для пристального изучения проблемы производительного языка (а также кооперации и сингулярности) я отсылаю к сочинениям Бахтина, где лингвистическое конституирование реальности определяется в строго материалистических терминах[ix].

Разработав таким способом наш метод, мы вновь сталкиваемся с великими темами коммунизма. Это означает, что наш метод отвечает эпохальному выбору, перед которым мы себя ставим, когда кризис неолиберализма обнаруживает в качестве своей альтернативы цели коммунизма: переприсвоение предпринимательства, равноправное распределение богатства, коллективное заведование знанием и т.д. В течение многих лет, начиная с великого кризиса, наступившего после 68 года, никто не осмеливался говорить об этих вещах. Сегодня мы снова начинаем о них говорить, и начинаем усваивать метод, ведущий к этой возможности выражения, поскольку понимаем, что мы живем на пороге сильнейшего

кризиса, перед лицом выбора: или реставрация безжалостного прошлого, или надежда на новый мир. Все зависит от решения, и как раз-таки вокруг вопроса о решении рождается политическое. Прежде чем высказать какие-то соображения по вопросу о решении, нам следует напрячь воображение и понять, что в жестокий и кровавый переходный период, в котором мы оказались, тем не менее, все возможно. Воображение и решение должны переплетаться в движении множества и желании выражения, которое множество производит. Изнутри этого воображения, демократическое представительство – каковое всегда преподносилось нам как основание, гарантирующее свободы – предстает чудовищной мистификацией, и это самое меньшее, что можно о нем сказать. В настоящий момент воображение множества поднимает вопрос о соединении суверенной власти (potenza) с производительной способностью субъектов. Наше обсуждение биополитики, как мы ее описали в общих чертах, подводит к этому выводу. Но как организовать желание множества? Как изобрести другую демократию? На национальном уровне демократия больше не существует, немыслима она и во всемирном масштабе. И, тем не менее, эти не-мыслимости являются сегодня актуальностью желания... Нам следует использовать терминологию Просвещения и помыслить новых выборщиков на всемирном уровне, которые уже больше не

соотносятся с нациями, но пересекают поверхность земли, восстанавливая равновесие богатых и бедных регионов, черных и белых, желтых и зеленых и т.д., перемешивая и опрокидывая границы и пределы, используя силу на службе создания общего. Конституционного воображения, вот чего мы хотим. Просвещение необходимо. Но вернемся к решению. Что влечет за собой проблема связи между общим опытом множеств и этико-политического и юридического понятия решения? Я полагаю, что об этом можно и нужно говорить здесь, как и везде, но ответ может быть дан только на уровне языка движения, изнутри движения. В конце концов, только в движении созревают эти вопросы; партии мертвы и похоронены. Движения ставят эти проблемы и предлагают способы их решения. Итак, по вопросу о решении множества. В движениях, начиная с Сиэтла и по настоящий момент, поразительно то, что они уже больше не говорят о захвате власти, зато говорят об установлении власти, о создании другой власти, и хотя все знают, что это утопично, они знают и то, что это стало необходимым и реалистичным благодаря головокружительности эпохального перехода, происходящего на наших глазах. Мы не можем ждать двести-триста лет, когда решение множества станет реальностью!

Но может случиться именно так, и поражение неизбежно... Что ж, в таком случае – будем жить! Радикальной природе учреждающей власти

соответствует исход как альтернатива, конструктивный исход, выражающий позитивные формы отношений между решением и множеством, а тем самым и между свободой и производством общего. Если мы не в состоянии создать другую власть, множество может сказать: забастовка, уход, извлечение из власти... Процессы, идущие между учреждающей властью и исходом, переплетаются и чередуются. Они как волны, следующие одна за другой. Решения множеств – это чертовски крутые гребни волн, тяжкие гребни, порождаемые бурлящим морем: массы не устают устремляться к могуществу. Происходит онтологическое восстание множеств. Мы живем биополитически.

Данный текст является второй частью пятой главы книги «Путеводитель: пять лекций об Империи и ее окрестностях» (Guide. Cinque lezioni su Impero e dintorni/, Raffaello Cortina Editore, 2003.).

---

[i] Операизм (от итал. operai, рабочий) – леворадикальное политическое и идейное течение в Италии в 60-70 гг. XX в., связанное с интернациональным движением «автономистского марксизма» или «автономизма». Основные представители: Марио Тронти (Mario Tronti), Раньеро Пандзьери (Raniero Panzieri), Антонио Негри. Главная предпосылка операистского

анализа и практики состояла в том, что сила сопротивления рабочих первична по отношению к трансформациям капитализма, которые всегда носят реактивный характер («там, где были забастовки, теперь работают машины»). – Прим. ред.

[ii] «Общее» (ит. comune, англ. the common – общее, общественное, разделяемое всеми) – принципиальное понятие у Негри и других теоретиков (пост)операизма. С одной стороны, этот термин отсылает к базовым ценностям и значениям коммунистической политики и философии, с другой – к особым условиям современного производства и политической субъективации множеств, когда сфера общего (язык, телесность, разделяемые аффекты, символы и т.д.) начинает играть ключевую роль в «постфордистском» капитализме. – Прим. ред.

[iii] Множество (ит. la Multitudine, англ. the Multitude) – одно из основных понятий постоперaизма. Связано с теоретической дискуссией о «новых социальных субъектах» в условиях постфордизма. Термин «множество» (лат. multitudo) был маргинальной фигурой новоевропейской политической мысли, начиная с Гоббса, в силу своего имплицитного противопоставления «народу» как единому политическому телу и источнику суверенитета государства. Означает не просто множественность как подрывное, контр-властное отрицание принудительного

единства, но и качественное отличие, т.е. другие – имманентные, децентрированные, «сетевые» – формы единения, организации. Политически расширяет понятие класса, включая всех, кто находится под гнетом капитала (например, безработные, домохозяйки, работники сферы услуг и т.д.); в социальном плане рассматривается как сложная композиция сингулярностей, различий, всевозможных меньшинств и отличается от «масс» как монолитного и стандартизованного феномена индустриального (фордистского) общества. – Прим. ред.

[iv] Под прекаризацией (от лат. «precarius» – неустойчивый, стоящий на песке, временный) понимаются новые процессы, связанные с постфордистской, или неолиберальной, организацией отношений труда и капитала, прежде всего – переход от постоянной занятости к временной, увеличением доли сезонного труда, кратковременной работы «по случаю», работы людей со статусом мигранта, работы без гарантий продления контракта. Термин получил интернациональное распространение в последние годы (примерно с 2000 г.) как часть проблематики, обсуждаемой в рамках альтерглобалистского движения.

[v] Книги жалоб (фр.) – Прим. ред.

[vi] Имеется в виду «Введение в критику политической экономии» (1857).

[vii] В лингвистике и логике обычно – имя нарицательное в противоположность имени собственному. Для Негри термин «общее имя» философски связан с разработкой материалистической и коммунистической эпистемологии, которая заменяет идеализирующий «концепт» на событийный и сингулярный акт именования «общего». Помимо Спинозы, для Негри здесь важны поздние исследования Ж. Делеза в рамках проекта под названием «Величие Маркса», в которых французский философ обращался к теме «общих имен».

[viii] Как тема традиционного жанра «романа воспитания». – Прим. ред.

[ix] По всей видимости, Негри имеет в виду работу «Марксизм и философия языка» (1929), которая обычно атрибутируется «кругу Бахтина». – Прим. ред.